

УДК 821.161.1-1(Рыжий Б.). ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,445
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

**«ОБЛАКА ПОКА НЕ ПОБЛЕДНЕЛИ...»
(РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «БОРИС РЫЖИЙ: ИССЛЕ-
ДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ» / ПОД РЕД. Н. Л. БЫСТРОВА И Т. А. АРСЕНОВОЙ. М.;
ЕКАТЕРИНБУРГ: КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ, 2022. 448 С.)**

Подлубнова Ю. С.

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

А н н о т а ц и я . Рецензия посвящена коллективной монографии «Борис Рыжий: исследования и материалы», вышедшей под редакцией Н. Л. Быстрова и Т. А. Арсеновой. (М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый). При том что Б. Б. Рыжий – на сегодняшний день один из наиболее изученных поэтов рубежа XX–XXI вв., авторы монографии предпринимают попытку обозначить новые аспекты в исследовании творчества уральского поэта. Это касается и выявления онтологических констант в поэзии Б. Б. Рыжего, и обозначения образных рядов и интертекстуальных контекстов, и исследования метрики, и поиска и снабжения научными комментариями материалов, имеющих прямое отношение к поэту, но не опубликованных ранее или опубликованных в малодоступных источниках. Монография во многом фиксирует сдвиг в исследованиях жизни и творчества поэта к все большему изучению биографических и историко-литературных контекстов, их екатеринбургского пласта.

Ключевые слова: русская поэзия рубежа XX–XXI веков; уральская поэзия; Борис Рыжий; биографические контексты

Д л я ц и т и р о в а н и я : Подлубнова, Ю. С. «Облака пока не побледнели...» (Рецензия на коллективную монографию «Борис Рыжий: исследования и материалы» / под ред. Н. Л. Быстрова и Т. А. Арсеновой. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2022. 448 с.) / Ю. С. Подлубнова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 234–239.

**“THE CLOUDS HAVE NOT GOT WHITE YET...”
(REVIEW OF COLLECTIVE MONOGRAPH
"BORIS RYZHY: RESEARCH AND MATERIALS" /
EDITED BY N. L. BYSTROV AND T. A. ARSENOVA. MOSCOW;
EKATERINBURG: KABINETNYI UCHENYI, 2022. 448 P.)**

Yulia S. Podlubnova

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

Abstract. The review is devoted to the collective monograph "Boris Ryzhy: Research and Materials" published by N. L. Bystrov and T. A. Arsenova. (Moscow; Ekaterinburg; Kabinetnyi Uchenyi). Despite the fact that Ryzhy is currently one of the most well-studied poets of the turn of the 20th–21st centuries, the authors of the monograph make an attempt to discover new aspects in the study of the work of the Ural poet. This also applies to the identification of ontological constants in the poetry of Ryzhy and the designation of figurative series and intertextual contexts, and the study of metrics and the search and supply of scientific comments on materials that are directly related to the poet but have not been previously published or were published in inaccessible sources. The monograph largely captures the shift in the study of the life and work of the poet towards a deeper study of biographical and historical-literary contexts, and their Ekaterinburg layer in particular.

Keywords: Russian poetry at the turn of the 20th–21st centuries; Ural poetry; Boris Ryzhy; biographical contexts

For citation: Podlubnova, Yu. S. (2023). "The Clouds Have Not Got White Yet..." (Review of Collective Monograph "Boris Ryzhy: Research and Materials" / edited by N. L. Bystrov and T. A. Arsenova. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyi Uchenyi, 2022. 448 p.). In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 234–239.

Фигура и творчество Б. Б. Рыжего изучаются и дискутируются уже более 20 лет, начиная со времени его трагического ухода из жизни или, если подходить более детально, со времен вхождения в литературу – первых газетных публикаций, редакторских комментариев к ним, интервью и проч. За эти 20 с лишним лет вышли книги, собравшие практически все написанное поэтом, мемуары о нем, большое количество статей и различного рода откликов¹. Все это сделало Б. Б. Рыжего одним из самых обсуждаемых авторов в пространстве постсоветской поэзии. Сюда же стоит добавить еще один несомненный факт: стихи Б. Б. Рыжего читают сегодня не только интеллектуалы, но и те, кто не особо интересуется поэзией или интересуется поэзией «народного извода». Насколько весома эта народная любовь в разговоре о статусе поэта, судить сложно, но так или иначе она свидетельствует о пролонгированной востребованности его наследия, живом интересе к нему. Составители коллективной монографии, предлагаемой нами к рассмотрению, Т. А. Арсенова и Н. Л. Быстров полагают, что «в недалеком будущем благодаря сегодняшним учителям-словесникам этот поэт сможет занять законное место в ряду, условно говоря, "новых классиков" наравне, например, с А. Тарковским, Ю. Левитанским, А. Кушнером, И. Бродским, Т. Кибировым, Б. Кенжеевым, И. Ждановым, В. Сошной и др.» [Арсенова 2021]. О выстроенном

ряде и фигурах «новых классиков» можно и нужно спорить, но важно сейчас, скорее, другое – а именно фиксация масштабности рефлексий, касающихся Б. Б. Рыжего, давно уже ставшего, как обозначила Е. В. Изварина, легендой [Изварина 2008]. Новая коллективная работа при таких вводных не может не декларировать необходимость поиска неочевидных решений среди того, что уже проговорено и интерпретировано.

И еще одна необходимая преамбула. Выход коллективной монографии, посвященной жизни и творчеству Б. Б. Рыжего, уже второй по счету за последние семь лет (после «Борис Рыжий: поэтика и художественный мир» [Борис Рыжий: поэтика и художественный мир 2015]) или третьей, если учитывать авторскую монографию «Внутренний мир и миры Бориса Рыжего» Ю. В. Казарина [Казарин 2018], как всякое подобное издание, в разговоре о поэте фиксирует, как минимум, два основополагающих момента. Во-первых, состояние изученности его биографии и творческого наследия. Во-вторых, сдвиги в рецепции поэта, которые так или иначе влияют на определение его места в пространстве отечественной поэзии. И в том и в другом случае, вопреки кажущейся исчерпанности разговора о предмете, есть что обсуждать.

Итак, монография «Борис Рыжий: исследование и материалы» поделена на две части – исследование поэтического наследия (10 параграфов разных авторов) и материалы к биографии

¹ См. наиболее полный обзор источников: [Арсенова 2021].

поэта (стихотворения, интервью, исследовательские комментарии). Каждая часть решает свои задачи, но вместе они свидетельствуют о стремлении обозначить нечто новое в пространстве тех смыслов, которые сложились вокруг Б. Б. Рыжего.

При этом аналитическую часть в целом сложно называть новаторской, здесь много знакомого и прописного Б. Б. Рыжего. Например, «жизненные и ментальные основания этики и эстетики Бориса Рыжего», которые обозначает И. И. Плеханова, хорошо известны по исследованиям Ю. В. Казарина. «Переживания, побуждающие к творчеству, безрадостные: боль свидетеля катастрофы, мука беспомощности, безволие. Трагическое чувство жизни открывает не ее напряжение, остроту или же экзистенциальный абсурд, но бесперспективность, безнадежность, даже вину за привязанность к ней» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 18] – эти и другие соображения, опирающиеся на формулу Р.-М. Рильке «с красоты начинается ужас», открывают монографию, чтобы в статье Н. Л. Быстрова, также развивающей тему «безобразного» как «прекрасного» и выводящей к общим основаниям эстетики поэта, превратиться в истолкование одного из самых известных стихотворений Б. Б. Рыжего «Так гранит покрывается наледью...». Однако Н. Л. Быстров сомневается в наследовании Б. Б. Рыжим оптики и установок Р.-М. Рильке (вот он долгожданный новый поворот), несколько корректируя содержание эстетического прозрения уральского поэта: «Что должен переживать субъект, чтобы оно открылось ему именно как “прекрасное”? Возможно, это и есть “черное горе”, если мы представим, что именно оно способно быть “заместителем” эстетического чувства – не просто как состояние души (воля к сопереживанию, уязвленность ужасом жизни и т. п.), не только как свободно избранная нравственная позиция, но как особая настроенность сознания, “расширяющего” свои границы для того, чтобы “вместить” то трагически “прекрасное”, что скрывается в “безобразном»» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 119–120].

К исследованиям И. И. Плехановой и Н. Л. Быстрова идейно-тематически примыкают рассуждения А. А. Семиной, Д. А. Клубничкиной и др., которые рассматривают концепты вечности и красоты и мотив духов-

ной инициации в поэзии Б. Б. Рыжего. «Самое хрупкое, ненадежное и эфемерное оказывается у Рыжего в большей мере причастным к вневременному и вечному, нежели то, что обременено рефлексией о времени, смертности и вечности, а тем более – то, что на эту вечность претендует» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 238], – пишет, например, А. А. Семина, затрагивая феноменологию мортального и обращаясь к анализу образного ряда некоторых стихотворений.

Собственно, как показывает монография, наиболее эффективная стратегия высвечивания новых смыслов на фоне обширных исследований предшественников-рыжеведов – именно работа на макроуровнях, то есть анализ образов, мотивов, метрических и ритмических рисунков и т. д., и в первую очередь тех, что прежде оказывались вне зон внимания исследователей. В этом убеждают два параграфа, написанных О. В. Зыряновым, который тщательно рассмотрел лермонтовский претекст у Б. Б. Рыжего и интертекстуальные связи стихотворения «С антресолей достану “ТТ”...», а также два параграфа авторства Т. А. Арсеновой, созвучных друг другу, поскольку один посвящен фотографическому зрению поэта, а второй, написанный в соавторстве с А. С. Темляковой, – кинооптике элегических стихотворений. «Особое решение получает и кардинальный вопрос-дилемма о соотношении оригинальности и интертекстуальности поэзии Рыжего» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 124], – обозначает исследовательскую задачу О. В. Зырянов. «“Стихотворение-фотография” оказывается результатом концептуального завершения визуального сообщения как художественного произведения» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 197], – утверждает Т. А. Арсенова, опирающаяся на солидный теоретический базис: от идей Р. Барта и С. Зонтаг до теории экфрасиса С. Н. Зенкина. «Приемы поэтической “кинооптики” участвуют не только в организации визуального плана стихотворений Б. Рыжего, почти буквальная “зримости” их сюжетов и ситуаций для читателя, но и в решении той индивидуальной метапоэтической задачи Рыжего, что не без самоиронии была сформулирована им в стихотворении 1997 г. – найти “слово поэзии, что убивает мрак»» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 231], – продолжает Т. А. Арсенова вместе с А. С. Темляковой.

Наиболее проблемной зоной в аналитическом блоке монографии видится рамочно-контекстуальная, предполагающая выстраивание механизмов соотношения поэзии Б. Б. Рыжего с практиками предшественников и современников. Самые точные, хотя абсолютно не новые и не исчерпывающие, формулировки здесь принадлежат О. В. Зырянову, утверждающему, что «есенинское начало дополняется у Рыжего влиянием балладно-песенной традиции советской эпохи и в некоторых случаях, как уже отмечалось, восприятием творческой манеры С. Гандлевского» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 55], и затем упоминающего про М. Ю. Лермонтова и Г. В. Иванова (стоит заметить, что все больше отходит на второй план еще столь значимый в 2000-е гг. разговор о советских реалиях и контекстах у поэта²). В параграфе авторства Е. В. Иваниловой встречаем нетривиальное и по-своему содержательное сравнение Б. Б. Рыжего и Д. А. Пригова: «В процитированном выше стихотворении Рыжего именно *милицианеры* распознают в лирическом герое поэта. Они устаивают “пьяного Рыжего Борьку” звания первого в городе поэта» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 86]. Однако в целом имена современников, затрагиваемых в аналитическом блоке монографии, вызывают вопросы и недоумение, поскольку среди них нет Д. Г. Новикова, О. В. Дозморова, В. В. Пуханова, Д. Л. Быкова, Е. Н. Фанайловой и др. авторов, с которыми в случае Б. Б. Рыжего сложно не увидеть поколенческие, контекстуальные и подчас эстетические переклички.

Некоторое игнорирование поэтических связей и параллелей отчасти объясняется содержанием предыдущего труда составителей монографии, а именно сборника (фактически монографии) «Борис Рыжий: поэтика и художественный мир» (2015), который открывался разделом, посвященным интертекстуальности поэзии уральского автора и включенности ее в различные контексты. И все же имена целого ряда современников Б. Б. Рыжего и здесь остались за кадром, как в некотором

роде была проигнорирована в обоих компендиумах (да и не только в них, стоит сетовать на рыжеведение в целом) довольно обширная литературно-критическая рефлексия последних 20 лет, детально описывающая пространство современной поэзии.

Вторая часть монографии, получившая название «Материалы», в обозначенных контурах поиска неочевидного представляется наиболее интересной и продуктивной. Здесь размещен и откомментирован Т. А. Арсеновой целый ряд стихотворений Б. Б. Рыжего, сохранившихся в архивах А. В. Кузина. Некоторые из них публиковались лишь единожды в екатеринбургской прессе, еще при жизни автора, другие увидели свет на страницах посмертных сборников, а несколько текстов и вовсе приводятся в книге впервые. Особую текстологическую и, возможно, феноменологическую ценность публикации придает тот факт, что тексты помещены в монографию в виде рукописных и машинописных страниц. Мы видим почерк поэта, то, как он работал над текстами и в каком-то смысле – как мыслил внутри текста.

В этой же части проведено ювелирное исследование литературного дебюта поэта и опровергнуто повсеместно тиражирующееся утверждение (Ю. В. Казарин, И. З. Фаликов и др.), что первая поэтическая публикация Б. Б. Рыжего состоялась на страницах «Российской газеты». Т. А. Арсенова нашла ее в екатеринбургской газете «Доверие» (1992), имеющей подзаголовок «российская газета».

Наконец, в этой части собраны и откомментированы интервью поэта, «десять выступлений в прессе» с 1994 по 2000 гг., в целом дающих представление о том, как формировался автобиографический миф, столь значимый для Б. Б. Рыжего. Как утверждает Т. А. Арсенова, первое интервью поэта (которое, кстати, не переиздавалось) становится «ключом» «к тем позднейшим выступлениям Рыжего в местной и столичной печати, которые целиком выдержаны в ракурсе авторского мифа, уже тогда с восторгом воспринятого читательской аудиторией» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 292].

² См., например: [Машевский 2001; Тагильцев 2005].

Кропотливая работа по сборке екатеринбургских контекстов, несомненно, работает на географическую локализацию Б. Б. Рыжего, во многих аспектах игнорировавшуюся в прежние годы или сводившуюся лишь к рассмотрению мифа о «лихом» Вторчермете в поэзии уральского автора. Тем не менее именно сейчас можно говорить о том, что новые рецепции Б. Б. Рыжего, как правило, редуцируют петербургскую составляющую автобиографического мифа (в монографии она сведена к минимуму) и в некотором роде вымывают географизм из московской составляющей, имея в виду под Москвой только условный центр, принявший поэта, публиковавший его тексты и давший ему премию. Б. Б. Рыжий конца 2010-х – начала 2020-х гг. – все больше поэт, кровно связанный с Екатеринбургом, активно присваивающим его через мемориальные мероприятия, академические инициативы и паутину контекстов.

Думается, оправданно беспокойство Е. В. Ивановой, заметившей, что на фестивале «Остров 90-х», который в 2016 г. проводил ориентированный на столичную повестку «Ельцин Центр», в зале, названном в честь поэта, «говорили о прозе,

изменениях в языке и первых негосударственных литературных премиях – о многих значимых явлениях литературного процесса, но не о поэзии. Дискуссия о стихах 1990-х, о пересмотре роли поэта и поэзии в эти годы велась двумя этажами ниже, и имя Бориса Рыжего там не прозвучало ни разу» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 66]. Читающей публикой 2020-х гг. Б. Б. Рыжий все меньше воспринимается как современник – чем дальше, тем больше он отодвигается от современности с ее вызовами, становится частью истории литературы, поэтическим феноменом рубежа веков, локализованным в Екатеринбурге, хотя, как мы заявляли в преамбуле, Екатеринбург не ограничивающимся. И тем не менее перепрочтение екатеринбургской биографии поэта, принятое Т. А. Арсеновой, в общих рецептивных и мемориальных процессах, идущих вокруг его фигуры, более чем показательно. Поскольку наметившаяся екатеринбургская локализация в рефлексиях о поэте не означает потерю им некоторого прежнего символического статуса, скорее, его перекодировку и более эмпирическое прочтение автобиографического мифа, с чем коллективная монография блестяще справилась.

ЛИТЕРАТУРА

Арсенова, Т. А. 20 лет после Бориса Рыжего / Т. А. Арсенова, Н. Л. Быстров // Русская словесность. – 2021. – № 3. – С. 42–46.

Борис Рыжий: исследования и материалы : коллективная монография / под ред. Н. Л. Быстрова и Т. А. Арсеновой. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2022. – 448 с.

Борис Рыжий: поэтика и художественный мир / под ред. Н. Л. Быстрова и Т. А. Арсеновой. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. – 228 с.

Изварина, Е. «Он стал легендой...» / Е. Изварина // Наука Урала. – 2008. – № 1–2 (963).

Казарин, Ю. В. Внутренний мир и миры Бориса Рыжего / Ю. В. Казарин. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. – 234 с.

Машевский, А. Последний советский поэт. О стихах Бориса Рыжего / А. Машевский. – Текст : электронный // Новый мир. – 2001. – № 12. – URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2001_12/Content/Publication6_3937/Default.aspx (дата обращения: 25.02.2023).

Тагильцев, А. В. «Советский мир» и два «пионерских» стихотворения Бориса Рыжего / А. В. Тагильцев // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Вып. 8. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 199–205.

REFERENCES

Arsenova, T. A., Bystrov, N. L. (2021). 20 let posle Borisa Ryzhego [20 Years after Boris Ryzhy]. In *Russkaya slovesnost'*. No. 3, pp. 42–46.

Bystrov, N. L., Arsenova, T. A. (Eds.). (2015). *Boris Ryzhii: poetika i khudozhestvennyi mir* [Boris Ryzhy: Poetics and Art World]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 228 p.

Bystrov, N. L., Arsenova, T. A. (Eds.). (2022). *Boris Ryzhii: issledovaniya i materialy* [Boris Ryzhy: Research and Materials]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 448 p.

Izvarina, E. (2008). «On stal legendoj...» [“He Became a Legend...”]. In *Nauka Urala*. No. 1–2 (963).

Kazarin, Yu. V. (2018). *Vnutrennii mir i miry Borisa Ryzhego* [Inner World and the Worlds of Boris Ryzhy]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 234 p.

Mashevsky, A. (2001). *Poslednii sovetskii poet. O stikhakh Borisa Ryzhego* [The Last Soviet Poet. About the Poems of Boris Ryzhy]. In *Novyi mir*. No. 12. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2001_12/Content/Publication6_3937/Default.aspx (mode of access: 25.02.2023).

Tagiltsev, A. V. (2005). «Sovetskii mir» i dva «pionerskikh» stikhotvoreniya Borisa Ryzhego [“Soviet World” and Two “Pioneer” Poems by Boris Ryzhy]. In *Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*. Issue 8. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 199–205.

Данные об авторе

Подлубнова Юлия Сергеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620108, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

E-mail: tristia@yandex.ru.

Author's information

Podlubnova Yulia Sergeevna – Candidate of Philology, Research Fellow, Institute for History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 26.02.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 26.02.2023; date of publication: 30.06.2023